

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ
И ГРАММАТИКЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР**

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА

ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЛЕКСИКОЛОГИИ
И ГРАММАТИКЕ
РУССКОГО ЯЗЫКА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1961

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ
В. И. БОРКОВСКИЙ и С. И. КАТКОВ

Л. А. Булаховский

ОТРАЖЕНИЯ ТАК НАЗЫВАЕМОЙ НОВОАКУТОВОЙ ИНТОНАЦИИ ДРЕВНЕЙШЕГО СЛАВЯНСКОГО ЯЗЫКА В ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИХ¹

Показания чакавского наречия и штокавских посавских говоров сербохорватского языка, во вторую очередь — языка словенского, а также фонетические соответствия древнейшей новоакутовой интонации в виде рефлексов сверхдолготы в других славянских языках (особенно — в словацком, кашубском и польском)² позволяют с полной определенностью полагать, что эта интонация древнейшего славянского („праславянского“) языка в полногласных формах восточнославянских языков отразилась в виде *-oró-*, *-oló-*, *-eré-*. Этот факт общепризнан и не нуждается в дополнительной аргументации.

Но есть и специальные, менее ясные данные — они не так известны в науке и еще нуждаются в подробном истолковании.

* * *

Важные указания на былую древнейшую новоакутовую интонацию долгот дает украинский язык, данные которого в основном совпадают со свидетельствами чакавского наречия сербохорватского языка (и параллельных ему посавских говоров штокавского наречия), языка словенского, словацкого и др. Второй слог рефлексов **tort*, **tert*, **tolt* (**telt*) в украинском языке при былых циркумфлексовой и акутовой интонациях фонетически не подвергался обычному удлинению, геср. переходу *o* в *i* (или *y* и т. п.), — об *e* см. особо ниже, — но если соответствующий гласный имел в прошлом новоакутовую интонацию, удлинение, геср. переход *o* в *i* (*y* и т. п.), осуществлялось и в полногласных группах. Мы имеем в украинском языке, таким образом, *вóрон*, *гóлод*, *ѓрoд*, *пóрох*, *сóлод*, *хóлод*; *горóд* 'огород', *умолóт*, *в́ймо-лот*; *колóд* — род. пад. мн. ч. *колóв* 'колол', *борóв* 'борол' и т. п. (с рефлексами нисходящей и основной восходящей интонации); но, например, род. пад. мн. ч. *борíд*, *голíв*, *ворíт*; уменьшит. *борíдка*, *голíвка*; прошедшее время муж. р. *волíк* 'волол', 'волочил' и т. п.; в этих формах

¹ Первая часть работы опубликована в журнале „Вопросы языкознания“, 1958, № 2.

² Наиболее важны в данном отношении долготные рефлексации в случаях, где обычные долготы подлежат по законам соответствующих языков фонетическим сокращениям. Ср., например: Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к польскому языку. Киев, 1950, стр. 27—30; его же. Акцентологический комментарий к чешскому языку, вып. 1. Киев, 1953, стр. 22—24.

другие славянские языки дают указания на старую новоакутовую интонацию.

В научной литературе широко распространено мнение, будто отсутствие в украинских формах типа *вóрон*, *го́лод* перехода второго *о* в *і* — вторичное, аналогическое, явление, иначе говоря, что полногласные формы в фонетическом отношении не представляют ничего специфического сравнительно с такими, как *віз* 'воз', *кіл* 'кол', *хвіст* 'хвост', а являются лишь результатом уподобления родственным формам с *о* в открытом положении в соответствующих парадигмах. Так думали, например, А. И. Соболевский, Н. Н. Дурново и многие другие. Что это мнение ошибочно, ясно хотя бы из такого изолированного от влияния других форм слова, как *бóрошно* 'мука' (серб. *брашно* из **boršyno*)³.

Сказанное о рефлексах **tort*, **tolt* принципиально относится и к рефлексам **tert*, хотя о последних и приходится говорить особо ввиду того, что *е* в закрытых слогах не подчиняется в украинском языке фонетическому переходу в *і* так последовательно для всех категорий, как *о*⁴. Приведем примеры соответствия *і* древнейшей новоакутовой интонации: *чері́д* (род. пад. мн. ч.; им. падеж. ед. ч. *чередá* 'стадо крупного рогатого скота'), *чері́дка*; *збері́г* (жен. р. *зберегла́*, ср. р. *зберегло́*) 'сохранил', *стері́г* (жен. р. *стерегла́*). Ср. *вері́тка* к *вері́та* 'дерюга' (род. пад. мн. ч. *вері́т*); *мері́жка* 'сеточка' к *мері́жа* (род. пад. мн. ч. *мері́ж*).

Нефонетическим *і* является в *бері́з* (род. пад. мн. ч. к *бері́за*); ср. и *бері́зка* 'березка' при фонетич. *бері́зка* 'вьюнок' (в словаре Б. Гринченко последнее, впрочем, без дифференциации: *бері́зка*: *бері́зка*).

Нет ожидаемого рефлекса новоакутовой интонации в формах род. пад. мн. ч. *дері́в*, *джері́л* 'источников'. Причина не ясна⁵.

Замечания о категориях, где ожидалось бы в соответствии былой новоакутовой интонации *-орі́-* и т. п., но фактически выступает *-орó-* и т. п., см. в моей статье „Порівняльно-історичні розвідки в ділянці українського наголосу“⁶.

³ Отдельные формы с переходом второго *о* полногласных групп в *і* как очень редкие (*вóріг*, *вóрін* — см., например, словарь под ред. Б. Гринченко), по всей вероятности, представляют или поздние, может быть даже индивидуальные, гиперизмы, или диалектные аналогические образования очень небольшого распространения. Широко известные и даже вошли в литературный язык только *смóрід* и *порі́г*. По поводу последнего слова уже давно была высказана правдоподобная догадка, что на него повлияло слово *рі́г*, род. пад. *ро́га* в значении русского 'угол наружный', 'выступ'. Менее ясно *смóрід* 'смрад' (ср. фонетич. *смóродъ*), для которого можно было бы предположить влияние польск. *smród*: род. пад. *smrodu* (первоначально имевшее место в говорах, где *о* в закрытом слоге звучит как *у* или как *о*, склонное к *у*). Ср. и неясное белор. *смурóд*, может быть с метатезой из **смóруд* подобного происхождения. Различного рода вопросы могут быть связаны с *оборі́г*, род. пад. *оборóга* 'крыша на четырех столбах, под которой складывают сено или разный хлеб...' (к этимологии слова см.: М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, II. Heidelberg, 1955, стр. 243). Нет никакой уверенности, что укр. *морі́г*, *мурі́г*, род. пад. *моро́гу* 'мурава', 'трава', *мурóгу* представляет собою по происхождению форму с полногласием. Преформу слова обычно реконструируют как *мурогъ* (ср.: М. Vasmer. Russisches etymologisches Wörterbuch, II, стр. 176).

⁴ Специального объяснения требует укр. диал. *вері́с* 'вереск' (см. в словаре Гринченко), даже с род. пад. *вері́су* и т. д. при закономерном литературном *вері́ск*.

⁵ Обращает на себя внимание тот факт, что формы именительного-винительного падежа множ. числа у этих слов звучат обыкновенно с ударением, оттянутым на средний слог (*дері́ва*, *джері́ла*), т. е. внешне дают повод для включения их в сферу влияния типа с исходной акутовой интонацией. Неясна форма *дері́зка*, упоминаемая в словаре Б. Гринченко, при бессуффиксном *дереза́* (такое ударение и в русском). Засвидетельствована ли где-нибудь в говорах ожидаемая форма *дері́зка*, не знаю.

⁶ „Мовознавство“, (Київ), 1936, № 7, стр. 65 и след. В свое время и В. Розов (V. Rozov. Еще о формулах *tort*, *tolt*, *tert*, *telt*. „Sborník prací“, I. Sjezdu slovanských filologů v Praze 1929, Svazek II. Praha, 1932, стр. 668—695) заметил, что

Различение в ряде русских говоров в подударном положении двух типов звука *о* — обычного *о* и *ѵ* (сильно лабиализованный звук, средний между *у* и *о*) — имеет первостепенное значение для опознания древнейших акцентологических отношений. Русское диалектное *ѵ* в начальных слогах с очень большой последовательностью соответствует словенскому подударному восходящему *o* (бывшему новоакутовому). Древность рассматриваемого явления ясна из того факта, что рефлексом *ѵ* в говорах, различающих оба *о*, является только *о*. Соответствия *о* напряженному не ограничиваются словенским языком, но наблюдаются в определенных условиях также в чешском и словацком, где *ý*, герср. *ö* восходят к тому же звуку древнейшего славянского языка.

Сообщенные А. А. Шахматовым факты лекинского говора⁷ (немного дополненные сведениями из других говоров) в сопоставлении со словенским, словацким и чешским языками позволяют как категории с былой новоакутовой интонацией выделить такие:

1. Односложные теперь формы, где ударение раньше падало на конечный *ѵ* или *ь*: *кѵл* (род. пад. ед. ч. *колá*), *стѵл* (род. пад. ед. ч. *столá*), *дѵбр* (род. пад. ед. ч. *дворá*), *снѵп* (род. пад. ед. ч. *снопá*); *кѵнь* (род. пад. ед. ч. *коня́*), *нѵш* (род. пад. ед. ч. *ножá*) и т. п.

2. Двусложные слова *ја́*-основ: *вѵля*, *кѵжа*, *дѵля*, *рѵшиша* 'роща', *нѵша* и т. п.

3. Двусложные слова, где *о* (*а*-основ) оказалось в закрытом слоге в результате выпадения редуцированного гласного последующего слога: *вѵспа* (из **ѵспа*), *кѵшка* (из **кѵшка*), *нѵшка* (из **нѵшка*), *зѵрька* (из **зѵрька*), *стрѵйка* (из *стрѵйка*); *вѵльха* (из **ѵльха*); ср. также *лѵтка*.

4. Слово (книжное) среднего рода *је*-основы: *лѵжа* (из *ложе*).

5. Формы среднего рода: *вѵйска*, им.-вин. пад. мн. ч. *кѵльца*, где *о* в закрытом слоге.

6. Формы множественного числа типа *кѵлья*, *кѵмья* (*о* в закрытом слоге).

7. Двусложные и многосложные имена существительные типов:

а) *лѵмтик*, *нѵжык*, *плѵтник*;

б) *ѵтьчим*;

-*орі́*- и т. п. характерно обычно для слов с былым восходящим ударением. Однако он по отношению к восточнославянским языкам не принял во внимание различия новоакутовой и просто "восходящей" интонации, что помешало ему прийти к правильным выводам.

Для точности надо заметить, что явление, о котором идет речь, выступает не с такой определенностью, которая вообще исключала бы возможность любых сомнений. Из важнейших трудностей следует указать на отдельные примеры звучания -*орі́*- и т. п. у слов, где фонетически ожидалось бы в соответствии старой акутовой интонации -*орѵ́*-. Так, в современном литературном украинском языке имеем *дорі́*, *дорі́жка*, *корі́в*, *корі́вка*; в словаре под редакцией Б. Гринченко наряду с *солѵ́мка* приводится *солі́мка*; родительный падеж мн. числа наряду с *болѵ́т* звучит и как *болі́т* (так даже обычно). Однако данные отклонения вряд ли могут поколебать выставленное положение по существу. Наряду с *дорі́жка* — формой, вероятно, аналогической, в говорах нередко употребляется ожидаемое *дорѵ́жка* (ср. *дорѵ́жка* и в словаре Б. Гринченко). *Корі́в*, возможно, обязано своей формой влиянию окончания -*ів* мужского склонения; *корі́вка* — влиянию широко распространенного суффикса. Форма *болі́т* (и *болі́тце*, *болі́тце*) возникла, вероятно, в результате появления вместо формы им. пад. мн. ч. *болѵ́та* аналогического *болѵ́та*. *Солі́мка* — относительно редкая и, по всей вероятности, аналогическая форма (обычно ожидаемое *солѵ́мка*).

⁷ См. А. А. Шахматов. Описание лекинского говора Егорьевского уезда Рязанской губернии. "ИОРЯС Рос. Акад. наук", т. XVIII (1913), кн. 4, 1914, стр. 173 и след.

- в) *кбстычка, кбрычка, нбжныньки; лбдыцку* 'лодочку';
 г) *рбэъница, гбръница*.
8. Прилагательные и наречия типов:
- нбв, хрбм;*
 - гбжа* (из *гоже*);
 - нбвай, дббрай, гблай, гблыя, вбстрай, вбстрыя, мбкрай, гбръкая; рбднай, рбслай, рбслая, пбшлай, вбльнай, збркай, пбснай, скбцакй; ббльшы.*
9. Числительное *вбсим*.
10. Местоимения:
- тбт;*
 - мбй, твбй.*
11. Наречия: *тблька, скблька* и т. п.
12. Глаголы (настоящего времени изъявительного наклонения):
- прбсют, тбпют, гбнит, лбвит, вбзют, хбдют, мбчит, нбсит;*
 - хбцыш, мбжыш, стбниш, пбрит, пблют, тбнит, тбнут, гбжу;*
 - плбтит.*
13. Другие формы:
- мбкнут;*
 - рбсть;*
 - я *мбк* ('мог'?);
 - дбј;*
 - мбл'ут, кбл'ут, пбр'ит*⁸.

Систематизированные А. А. Шахматовым, хотя и не комментированные им сравнительно-исторически, факты относительно легко могут быть сведены к следующим важнейшим фонетическим и морфологическим положениям.

1. Гласный *о* получал новоакутовую интонацию при переносе на него ударения с подударного, в прошлом конечного редуцированного гласного. Наиболее определенные параллели в этом отношении дает словацкий язык; ср. *nos, vos, rod, roh, stoh*, но *kôl, stôl, kôš* (укр. *кіш, кошá*), *kôñ, pôž* и т. п.

2. Видимо, фонетически влиял на подударное *о*, вызывая появление новоакутовой интонации, следовавший за ним согласный *ј*: *вбля, нбша* и т. п.; *лбжа; хбцыш, пбрит, пблют* и т. п.: словенск. *vôl'ja, pôša, lôže; kôl'je, rôrje*; словацк. *vôl'a, tôña* 'тень'.

3. Новоакутовую интонацию получало подударное *о* при выпадении в следующем слоге редуцированного гласного: *вбспа* из **ôсъпа, нбшка* из **нбжька* и т. п. (словенск. *ôsp(ica)*, словацк. *pôžka*); есть известная вероятность, что в древнейшем славянском в соответствующих случаях была представлена подударность редуцированного гласного. Ср. также *кбльца, ббльшы, тблька* и т. п.

4. Новоакутовая интонация характеризовала (закон А. И. Белича) членные имена прилагательные, произведенные от нечленных с конечным ударением: *гблай, вбстрай, дббрай; пбшлай* и т. п. (ср. *шла, шло* и т. д.: **шьлъ, *шьла* и т. д.).

5. Вероятно, категорией аналогического происхождения являются образования *кбрычка, кбстычка* с рефлексом интонации, заимствованным от **кбрка, *кбстка* и т. п.

⁸ Не приводим некоторые отмеченные А. А. Шахматовым случаи употребления *ѡ*, не представляющие интереса со сравнительно-исторической точки зрения (чаще всего это слова, где *о* исторически приходилось не на начальный слог).

6. *Нбжык, стблж, хвбстик* и т. п. свое *б* могли получить от исходных *нбш, стбл, хвбст* и т. п., хотя значительной надо признать и вероятность, что у этих образований новоакутовая интонация могла явиться в условиях, близких к фонетическим: *sto'likъ (ср. ударение *-ikъ', род. пад. *-ika') > *stôlikъ и т. п.

7. Новоакутовая интонация корневых гласных в настоящем (будущем) времени изъявительного наклонения у глаголов на -iti и -niti в случаях, когда соответствующая парадигма характеризуется подвижностью ударения — ударением конечного гласного в 1-м лице ед. числа: ударением корневого гласного в остальных формах, — представляет собою абсолютно достоверный факт. Однако вполне или даже относительно надежного объяснения для этой интонации в данной категории до сих пор в науке еще нет. Ясно только, что она была как-то связана при своем возникновении в древнейшем славянском языке с характером долготы гласного — приметы класса.

Глаголы типа *плбтиш, плбтит* и т. д., получившие свое *б* аналогически вообще от глаголов типа *нашѹ: нбшиш, нбсит* и т. д. (ср. *платит* в „Уложении“ 1649 г., словенск. *platís, platí*... и т. п.), от них же получили и рефлекс интонационного качества этого *о*.

8. Формы причастий типа *мблат, кблат* сам А. А. Шахматов, вероятно справедливо, считает искусственными и малоупотребительными.

Несколько замечаний об отклонениях на месте ожидаемых рефлексов.

На стр. 180—181 А. А. Шахматов, приводя слова с *о*, упоминает среди некоторых слов, которым в литературном языке свойственно конечное ударение — ударением в родительном и других косвенных падежах ед. числа, слово *плот*: литер. род. пад. ед. ч. *плодá*. На старое колебание в месте ударения косвенных падежей этого слова указывает, вероятно, укр. *плодá, плóду*; ср. также серб. *плòд, род. пад. ед. ч. плòда*; словенск. *plèd* (с рефлексом накоренного ударения), при *plòd* из *plodr*; словацк. *plod* (то же). Так и в древнерусском: ср. в „Домострое по Коншинскому списку“: *і ѿныя земленые плòды што бог послалъ*⁹.

Никакого значения не имеет отклонение от литературного слова *слон*, род. пад. *слонá*, так как это слово для говора, конечно, заносное. В параллель этому заслуживает внимания отмеченное, например, также и в тотемском говоре слово *вол* вместо ожидаемого *вòл* (ср. род. пад. *волá*), являющееся тоже заносным словом (вместе с самим понятием). Ср. и замечание А. А. Шахматова: „Слово *вол*, известное и в форме *вал*, представляется заимствованным из другого говора“¹⁰. *Вал*, конечно, — из косвенных падежей или множественного числа форм, в которых ударение падало на следующий слог.

Вероятно, из других говоров в лекинский пришли и такие слова с *о* вместо ожидаемого *б* в закрытом слоге, как *скòпка* ‘скобка’, *стòпка, хòлка*. Индукцией в пределах самой парадигмы легко объясняется род. пад. мн. ч. *соф* ‘сов’ вместо ожидаемого *сòф* (такие формы засвидетельствованы в других говорах). Надо признать, однако, и наличие таких случаев, которые еще ждут своего объяснения. К ним я отношу, например: формы именительного-винительного падежа множ. числа имен среднего рода типа *òкна*; образования типа *крòвля*

⁹ „Домострой по Коншинскому списку“, к изданию подготовил А. Орлов. В кн.: „Чтения в имп. О-ве истории и древностей рос. при Моск. ун-те“, 1908, кн. 2 (225). М., 1908, л. 74.

¹⁰ А. А. Шахматовъ. Списание лекинского говора... стр. 181, примеч. 1.

(если отклонить возможность очень отдаленной индукции со стороны глагольных форм *крѣю, крѣеши* и т. д.); *вѣжи, дрѣжи*; причастия *кѣванй, фкѣпаня, слѣман*¹¹.

* * *

В фактах украинского языка, возможно, отражаются следы былой новоакутовой интонации звука *e* в закрытом слоге перед твердым согласным (с былым последующим *ъ*). Соответственный материал допускает различные толкования, и относиться к объяснению его с акцентологических позиций следует только как к гипотетическому¹².

Так называемый „новый ять“, как в свое время заметили А. А. Потебня и А. И. Соболевский, в южнорусских памятниках выступает с середины XII в. в положении перед согласными, за которыми отпал или выпал редуцированный гласный переднего ряда (*ь*). В современном украинском языке можно констатировать эквивалентный переход также в положении перед твердым согласным (т. е. перед согласным, за которым в древности отпал или выпал редуцированный гласный заднего ряда *ѣ*). Это изменение подударного *e* осуществлялось, вероятно, только диалектно, причем там, где оно имело место, оно зависело в ряде морфологических категорий от специального акцентологического момента — от былой новоакутовой интонации у *e*. Это предположение может быть сделано в отношении следующих немногочисленных категорий: форм родительного падежа множ. числа имен существительных типа *сѣл, плѣс* (ср. р.); образований на бывшее *-ѣка* типа *тѣтка, лѣбѣдка, перепѣлка, четвѣрка*; может быть, форм именительного-винительного падежа ед. числа притяжательных прилагательных, вроде *Василѣ < *Василѣ-ѣ*, имеющих себе соответствие (в сравнительно-историческом аспекте не вполне надежное) в виде словенского *kraljĕv* и т. п.

Формы мужского рода прошедшего времени изъявительного наклонения *вѣз 'вез', вѣв 'вел'* и т. п. (*вѣоз, вѣов* и т. п.) с былой подударностью конечного *ѣ* (**vezl'ъ, ve(d)l'ъ* и т. п.) приходится объяснять иначе, хотя и по отношению к ним речь могла бы идти о рефлексе новоакутовой интонации, как результате переноса ударения с отпавшего твердого редуцированного гласного. Соответствующее удлинение и — как результат его — рефлексация *e > i* (*юѣ*) в этой морфологической категории осуществились не диалектно, а во всех говорах украинского языка и потому должны были иметь общую причину. Таковой могло, вероятно, являться действие отпадения ставшего тавтосиллабическим конечного *л*: *везлѣ > *вѣз, неслѣ > *нѣс* и т. п. Что касается случаев вроде **вѣл, *плѣл > вѣв, плѣв* (*вѣов, плѣов*) и т. п. с выпадением *д* или *т* перед *л*, то их можно представить себе как продукты аналогического приравнения к образованиям типа *вѣз, нѣс* и т. п. Разумеется, в говорах, которым был свойствен и фонетический переход *e* в *i* и т. п. при былой новоакутовой интонации, существовало дополнительное условие для появления соответствующих рефлексов. Следует учесть и возможность распространения рассматриваемых форм из этих говоров в говоры, где соответствующее фонетическое условие отсутствовало.

¹¹ Не касаюсь случаев, где в говоре представлено *ѣ* на месте ожидаемого *о* вне зависимости от былой новоакутовой интонации.

¹² В данной статье я повторяю основные соображения, изложенные мною более детально в книге „Питання походження української мови“ (Київ, 1956, стр. 51—56). Систематизацию соответствующего материала в литературном языке см. в написанном Н. Ф. Наконечным разделе „Фонетика“ книги „Курс сучасної української літературної мови“, т. 1 (Київ, 1951, стр. 265—268).

Затронутый здесь вопрос об отражениях былой новоакутовой интонации в русском языке — в говорах и памятниках — по отношению к звуку *о* детально разработан М. Г. Долобко¹³ и Л. А. Васильевым¹⁴.

М. Г. Долобко тщательно исследовал показания говоров; посвященная узкому вопросу о приставном *в* перед начальным *о* (*восьмь, вóтчина* и т. п.) работа М. Г. Долобко и сейчас, за исключением немногих частностей, полностью сохраняет свое большое значение. Л. А. Васильев исследовал два богатых материалом памятника XVI в. — „Псалтырь Публичной библиотеки“, F, I, № 7 и „Сборник Софийской библиотеки“, № 1460, — дающих указания на особое, „новоакутированное“ по своему происхождению *о*. Основная допущенная при этом Васильевым ошибка, без учета которой его соображения не могут считаться правильными, указана в предисловии к его книге А. А. Шахматовым, и сейчас нет нужды к этому возвращаться. К труду Л. А. Васильева примыкает, по характеру материала, также статья Н. Н. Дурново¹⁵.

Несколько замечаний об условиях появления новоакутовых долгот и краткостей в древнейшем славянском языке. Выяснение последних, хотя прямо и не является необходимым для понимания соответствующих фактов восточнославянских языков, однако позволяет несколько глубже войти в возникающие вопросы, и потому небесполезно коротко коснуться и самих этих условий. Попытки установить эти условия — причем попытки, имеющие значительную убедительность, — достаточно давни. Из того, с чем серьезно можно считаться и теперь, в первую очередь надо иметь в виду два момента: явления, вызванные уже древнейшим передвижением ударения с редуцированных гласных (Ст. Ившич), и результаты влияния на гласные полного образования „йота“, выступавшего в положении за согласным, шедшим за соответствующим гласным звуком (Н. Ван-Вейк)¹⁶.

Работа по выяснению появления обоих этих условий не обходится без тех или других еще не полностью преодоленных трудностей, но общее впечатление таково, что предложенные объяснения подводят к действительному пониманию фактов. Изложу, как эти объяснения могут быть оценены, по моему мнению, теперь.

Рассмотрим новоакутовую интонацию и роль в ее возникновении былой подударности редуцированных гласных.

1. Наиболее бесспорная категория с новоакутовой интонацией такого происхождения — конечные слоги, получившие свое ударение и интонацию (сверхдолготу восходящего характера на месте бывших долгот) после отпадения бывших подударных редуцированных. Параллельными по отношению к таким новоакутовым интонациям являются протянутые краткости (в основном — *о*). Рефлексы тех и других (по отношению к последним — с известными ограничениями) хорошо отражены в нескольких живых языках и не нуждаются в специальных объясне-

¹³ См. M. Dolobko. Der sekundäre *v*-Vorschlag im Russischen. „Zeitschrift für slavische Philologie“, Bd. III, 1–2, Leipzig, 1926, стр. 87–144.

¹⁴ См.: Л. А. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI–XVII веков. К вопросу о произношении звука *о* в великорусском наречии. „Сборник по русскому языку и словесности“, т. 1, вып. 2. Л., 1929.

¹⁵ См.: N. Durnovo. Manuscripts russes distinguant l'ancien *o* „acuté“ et l'*o* d'une autre origine. „Annales Academiae Scientiarum Fennicae“, ser. B, t. XXVII. Helsinki, 1932, стр. 7–13.

¹⁶ Из всех тезисов Н. Ван-Вейка, изложенных им в статье „Zur sekundären steigenden Intonation im Slavischen vornehmlich in ursprünglich kurzen Silben“ („Archiv für Slavische Philologie“, Bd. XXXVI, 1916, стр. 321–377), я касаюсь здесь только одного, наименее спорного.

ниях. Можно повтoму ограничиться короткими замечаниями, попутно сделанными выше.

Дополнительно заметим только, что новоакутовая интонация долгот, как правило, восходит в других положениях к былой циркумфлексовой. Для положения в конечном слоге, на которой ударение перенесено с бывшего редуцированного, этот момент, однако, по-видимому, роли не играл: **-ák(ъ)* (из **-ākъ*), **-ár(ъ)* (из **-ārgъ*) и т. п., т. е. в таких случаях новоакутовая интонация появлялась и на гласных по происхождению акутового характера.

2. Ударение со слога краткостного или циркумфлектированного перетягивалось на следующий циркумфлектированный, если за ним следовал слог с редуцированным гласным. Это положение иллюстрирует отношения: *дѣсѣть*: *десѣтка* (серб. *дѣсѣт*) — древн. *десѣтка*; *ўпряжь*: *упряжка* из **u-pręž-ька*. Ср. также *стѣрлядь*: *стерлядка*; *ўжас*: *ужасно* из **u-žas-ьно*.

Такой же перенос ударения имел место в тех относительно немногих случаях, где слог, следовавший за циркумфлексовым или краткостным, был по своему происхождению краткостный; *кóлокол*: *колокóльня*; *кóлокол*: *колокóльчик*; *лѣбедь*: *лебѣдка*, укр. *лѣбідь* (род. пад. *лѣбедя*): *лебідка*; укр. *на́клеп* 'клевета': *наклѣ́пник* (ср. стар. *-ьникъ*).

Это же наблюдается и в случаях, где первоначально заударный срединный слог своим гласным имел редуцированный: *сѣрдце* (словенск. *srcę* из **sřce* < **sърdьce*, болг. *сърдцѣто* из **sъrdьce-to*): *сердѣчно*; *вѣтошь* (из **ve'tьšь*): *ветóшник* (диал. *ветóшка*).

Вероятно, по аналогии с такими отношениями совершался подобный перенос ударения также и в случаях вроде: *пóльза*: *полѣзно*; *óбщество*: *общѣственный*, где начальный слог имел краткость особого, восходящего (новоакутированного) типа.

Как ясно из показаний всех славянских языков, способных это обнаружить по историческим свойствам своих акцентологических систем, слог, на который переносилось в таких случаях ударение, приобретал новоакутовый характер¹⁷. Из восточнославянских языков об этом можно заключать в той небольшой мере, в какой естественно опереться на украинские примеры типа *лѣбідь*: *лебідка*. Хотя типы *голóвка*, *кóрка*, несомненно, искони характеризовались новоакутовой интонацией, объяснение ее в них может быть предметом различных сомнений. Наиболее простым остается объяснение *голóвка* и т. п. (типа с корневой циркумфлексовой интонацией) — из **golvъ'ka* и т. п.; *кóрка* и т. п. — из **kogъ'ka* и т. п. Спорным остается, однако, направление движения древнейшего славянского ударения с срединных редуцированных на соседние слоги с гласными полного образования. Предполагая, что *голóвка* и т. п. — из **golvъ'ka*, надо одновременно принять положение о том, что вообще исконное ударение передвигалось с редуцированных гласных на предшествующий слог с гласным полного образования. Однако считать это доказанным для всех случаев, где можно подозревать такое положение, нельзя; ср., например, *ум*, род. пад. *умá*, **umъ'no* > *умно* (*умно* — позднейшее отклонение); *грѣхá*, **grěšъ'no* > *грешно* (а не **грѣшно*); *замъ'къ* 'замок', род. пад. *замкá* (а не *зámка*); **rosъ'lъ* 'посол', род. пад. *послá* (а не *пóсла*). Несоотносительным с *грешно* остается, правда, русск. *трѣ́дно* (производное от *труд*, род. пад. *трудá*).

Допущение праформы **golvъ'ka* встречается и с другой трудностью: в таком случае ожидался бы, по закону Фортунатова — де Соссюра,

¹⁷ Соответствующие сравнительно-исторические справки см., например: Л. А. Булаховский. Акцентологический комментарий к чешскому языку, вып. 2 и 3. Киев, 1956, стр. 50—52.

перенос ударения на конечный слог, а винительный падеж ед. числа должен был бы звучать *gôlvъkŏ, т. е. *головку. Итак, в целом по liquet.

3. Несколько специальных замечаний о префиксальных образованиях. Новоакутовая интонация определенно опознается у префиксальных образований имен существительных ā-основ с бывшим корневым редуцированным гласным, в настоящее время уже отсутствующим. Так, для русск. *бспа*, *прѡшва*, *прѡрва*, укр. *віспа*, *прірва*, белор. *вѡспа*, *прѡрва*, словацк. *rôtka* 'спор', 'ссора', 'сражение' (из *ro'tьka), словенск. *ôsp(ice)* — нужно предположить более раннее ударение в виде *osъ'pa, *proгъ'va, *ro'tь'ka. Перенос ударения с редуцированного гласного на предшествующий слог с полным гласным сопровождался приобретением последним новоакутовой интонации (ср., хотя бы, наиболее отчетливые показания словенского языка). Детали такого переноса, как, впрочем, и общая его теория, и сейчас могут быть предметом спора.

Отчетливы следы былой новоакутовой интонации также в гласных префиксов — в будущем времени префиксальных глаголов с бывшим редуцированным корневым гласным (в формах, начиная со 2-го лица ед. числа); ср. словенск. *rôšljesh* и т. п., сербск., *pôcnësh*, *pôshësh* и т. п. Документацию соответствующего древнерусского ударения из памятника XVII в. см., например, у норвежского слависта Хр. Св. Станга¹⁸.

К теории явления см. общее замечание по поводу имен существительных типа *бспа* и соображения об акцентуации префиксальных глаголов в моей статье на украинском языке¹⁹. Много интересного, хотя, по моему мнению, и не во всем убедительного, заключает статья Н. Ван-Вейка, к сожалению, оставшаяся мне не известной, опубликованная значительно раньше²⁰, в то время, когда писалась моя. От подробного разбора этой статьи сейчас я принужден отказаться уже хотя бы потому, что с моей настоящей темой она соприкасается лишь частично, а внимательный разбор ее потребовал бы много места и по необходимости отвел бы далеко в сторону.

Закон Н. Ван-Вейка впервые был им аргументирован в упомянутой статье „Zur sekundären steigenden Intonation im Slavischen, vornehmlich in ursprünglich kurzen Silben“ (стр. 321 и след.). Согласно собственной формуле Ван-Вейка „подударная краткость или нисходящая долгота перед согласным +j приобретала в праславянском языке при определенных условиях восходящую интонацию“ (стр. 346). Закон Ван-Вейка объясняет случаи вроде серб.-чакавск. *stráža*, словенск. *stráža*, чешск. *stráže* (*stráž*), словацк. *stráž*, русск. (диал.) *сторѡжа*, польск. *stróža*, серб.-чакавск. *strâž* 'сторож', словенск. *strâž*, чешск. *straž*, русск. *стѡрож* и т. п.; чак. и словенск. *grája* 'ограда', чешск. *hráze*, словацк. *hrádza* 'насыпь', русск. (диал.) *горѡжа*, чак. и словенск. *grâd*, чешск. *hrad*, русск. *город*; словенск. *vôlja*, чешск. *vûle*, словацк. *vôlja* и т. п.; словенск. *hŏčeš*, др.-чешск. *chŏceš* и т. п. В русских говорах, различающих старое о и ѓ (звук, восходящий к старому „новоакутированному“ о), во всех таких случаях имеем ѓ.

¹⁸ См.: Chr. Stang. La langue du livre „Учение и хитрость ратного строенія пѣхотныхъ людей“, 1647. Une monographie linguistique Oslo, 1952, стр. 62; см. также: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II (исторический комментарий), Киев, 1953, стр. 252—254.

¹⁹ См.: Л. А. Булаховский. Порівняльно-історичні розвідки в ділянці українського наголосу. „Мовознавство“, 1936, № 7. стр. 76 и след.

²⁰ См.: N. Van Wijk. Die serbokroatischen Präsentia von Präpositionalkomposita mis betonter Präposition. — „Indogermanische Forschungen“, Bd. XL, 1922, с р. 261—275.

Не устраненной сам Ван-Вейк считал трудность попытки объяснить обычную краткостную интонацию (первую) у слов типа *море, поле*: словенск. *morjê, poljê* фонетически из **mo'rje, *ro'lje*, болг. *морé полé* из *морéто, полéто* (последние — из **mo'rje, *ro'lje*); русск. диал. *море, поле* и т. п. в говорах, различающих старое *о* и *ъ*.

Принимая закон Ван-Вейка, я пытался устранить исключение, о котором идет речь, догадкой, что вообще новоаккутированные краткости возникали в древнейшем славянском языке только в тех категориях, где для краткостей был соответствующий образец в долготах. Для форм типа **morje, *polje* такого долготного образца не было, и потому они новоаккутовой интонации для своего *о* не приобрели²¹. Данное объяснение, за отсутствием лучших, можно поддерживать и сейчас.

Предлагаю, однако, еще и другую догадку. Славянское **morje* первоначально к *jo*-основам не принадлежало. Как показывает латинское *mare* (из **mari*)²², данное слово первоначально должно было иметь соответствие себе в славянском в виде **моръ*, т. е. с обычной интонацией краткостей и с характерными для нее явлениями, например переносом ударения на сочетавшиеся с соответствующими словами предлоги: **па' моръ*. Эти явления могли сохранить свое значение и для последующего периода в жизни данного слова, когда оно по образцу *оли je*-основ стало звучать **morje*. Слова вроде **polje* подчинились, вероятно, данному слову-образцу.

Не вполне определенны данные, на которых можно построить выводы, относительно одного важного в теоретическом плане явления, связанного с йотацией же: впечатление таково, что она влияла на перетягивание ударения с краткостных слогов²³ на следующие краткостные, в которых конечный согласный имел за собою *j*. К такой догадке ведут прежде всего отношения в настоящем времени изъявительного наклонения у III класса глаголов (*-je*): *лѣпет: лепѣчет, трѣпет: трепѣшет, хѡхот: хохѡчет* из **le'petjetъ, *tre'petjetъ, *cho'chotjetъ*. На это явление указывают, может быть, и укр. *вечѣра*, серб. *вѣчера* (из *вече'ра*) 'ужин': *вѣчир, вѣче*, род. пад. *вѣчера*, если допустить, что *вечѣра* и т. п. представляют обобщение ударения винительного падежа ед. числа в парадигме, первоначально звучавшей: **večerja: *večerjo > *veče'gjo*, ср. и *дѣшево: дешѣвле*. Противоречащая принимаемой догадке форма винительного падежа ед. числа *gŏsroju* 'госпожу' (к им. пад. *gosroja*) в чакавском говоре Нового вместо ожидаемой **gospŏju* легко может быть понята как аналогическая в говоре, где *lŏbodā: lŏbodu* и т. п.

Возможна, конечно, в отношении приведенного материала и другая догадка, а именно что йотация указанного характера влияла задерживающе на ударение, которое с кратких слогов нейотированных перешло (по закону А. А. Шахматова) на начальные краткие, иначе говоря, что в период возможного существования **lepe'tъ, *trepe'tъ* и т. п. было **lepe'tjetъ, *trepe'tjetъ*; впоследствии первые формы соответственно изменились в *лѣпет, трѣпет*, а вторые, по указанному основанию, сохранили свое ударение. Такое понимание отмеченных отношений исключало бы высказанную раньше догадку, что закон Фортунатова —

²¹ См.: Л. А. Булаховский. Східнослов'янські мови як джерело відбудування співнослов'янської акцентологічної системи. „Мовознавство“, т. IV—V, 1947, стр. 13—14; его же. Восточнославянские языки как источник реконструкции общеславянской акцентологической системы. „Изв. АН СССР. ОЛЯ“ т. V, вып. 6, 1946, стр. 474.

²² Ср., например: F. Sommer. Handbuch der latein. Laut- und Formenlehre, 1914, стр. 354.

²³ Возможно, и с циркумфлектированных, для которых эти отношения можно предположить на основании глагола *полошѹ, полбѡщешь*.

де Соссюра не действовал в отношении срединного и следующего за ним слога, так как если исходными формами были **lepe'tь*, **trepe'tь*, **chocho'tь* и т. п., то не могли бы фонетически, в соответствии с положением об отсутствии переноса ударения с *о*, *е* срединного слога на следующий акутированный гласный, возникнуть формы *лепетать*, *трепетать*, *хохотать* с подударным *а*.

Отражения былой новоакутовой интонации как в рефlekсах древнейших славянских долгот, так и краткостей на восточнославянской почве иногда оказываются в некоторых условиях близкими с рефlekсами интонаций другого рода. При внимательном отношении различить их, однако, нетрудно. Что касается рефlekсов долгот (при полногласии), то на украинской почве ударение *орó*, *ерé*, *олó* в закрытом слоге обыкновенно отражает не новоакутовую, а старую акутовую интонацию гласного соответствующей дифтонгической группы.

В диалектном русском *ó* не в начальном слоге слова отражается старинное вторичное ударение восходящего (но не новоакутового) типа, явившегося после действия закона Шахматова—Лескина, когда неначальные гласные вообще, если они оказывались в силу каких-либо специальных (вторичных) условий подударными, уже не имели первоначального нисходящего характера, а приобретали новый — восходящий, тем самым несколько сблизивший их с рефlekсами новоакутового характера. К сожалению, этот важный момент не всегда учитывается в нашей диалектологической литературе (в замечаниях общего характера)²⁴. Нашей темой сейчас не является вопрос об условиях и времени превращения в так называемую новоциркумфлексовую интонацию (интонацию нисходящего характера) ни былых акутовых долгот, ни вторичных краткостей, являвшихся в последний период древнейшего славянского языка в отношении места своего ударения неподвижными. Заметим, впрочем, что главный материал для решения этого вопроса дает не русский язык, а языки словенский и кашубский.

²⁴ Предметом различных догадок может быть причина установления на нынешнем его месте ударения префиксальных имен существительных с корневой частью *говор* и *гомон*. В префиксальных образованиях *говор* и *гомон* выступает начальное ударение. Префиксальные образования, вроде *договóр*, *приговóр*, *угомóн*, обнаруживают сравнительно с ним оттянутость ударения на следующий слог. В этом явлении вряд ли следует видеть что-либо фонетическое, что можно было бы сформулировать в виде какого-нибудь вероятного положения. Скорее, соответствующие префиксальные образования восходят не непосредственно к беспрефиксным существительным, а являются, как обычно в этой категории, производными от соответствующих глаголов, и потому вероятно, что нынешнее их место ударения ими получено от форм будущего времени (совершенного вида) изъявительного наклонения, т. е. *приговóр*, *договóр*, *угомóн* своим ударением обязаны, вероятно, влиянию форм глагола типа *приговорíть*, *приговорíт*, *договорíть*, *договорíт*, *угомонíть*, *угомонíт*. . . Первоначальные **приговоръ**, **приговора** и т. п., **угомонъ**, **угомона** и т. п. позже исчезли, заменившись формами с конечным ударением основы. Как многосложные эти образования уже ничем теперь не обнаруживают, что их второе *о* когда-то имело на себе новоакутовую интонацию, явившуюся результатом переноса ударения с конечного (впоследствии отпавшего) редуцированного гласного в именительном-винительном падеже ед. числа. Не сохранилось также никаких следов конечного ударения окончаний в соответствующих косвенных падежах.

Образования с ударением на префиксе, в большем или меньшем числе встречающиеся в разных славянских языках, могут, теоретически рассуждая, быть производными непосредственно от имен существительных: *гóвор*, *зáговор* и т. п. Важно, что вовсе нет типа **догóвор*, **пригóвор* и т. п.

Л. П. Жуковская

**ЗНАЧЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ
ИЗУЧЕНИЯ ОСТРОМИРОВА ЕВАНГЕЛИЯ
(В связи с девятисотлетием памятника)**

Остромирово евангелие является первым крупным точно датированным памятником славянской письменности.

Как явствуют из записи одного из писцов, дьякона Григория (см. снимок), рукопись была написана за период с 21 октября 1056 г. по 12 мая 1057 г. Таким образом, в 1957 г. исполнилось девятьсот лет ее существования. Рукопись прекрасно сохранилась (подробнее см. ниже), что объясняется, с одной стороны, свойствами материала, на котором она написана, и высоким качеством чернил и красок, а с другой — бережным отношением к ней лиц, пользовавшихся рукописью на протяжении прошедших девяти столетий.

Трудно преувеличить значение Остромирова евангелия для изучения славянских языков и славянской культуры.

Рукопись является основным памятником канонической литературы, текст которого был широко распространен и переписывался рядом поколений писцов, поэтому Остромирово евангелие отражает разнообразие черты языка. Среди них имеются не только черты специфические, собственные, присущие лишь данной рукописи, но и особенности, восходящие к промежуточным спискам, написанным на различных славянских территориях, а также факты языка, характерные для первых переводов с греческого на славянский язык. Все это, конечно, затрудняет и усложняет лингвистический анализ памятника, но зато дает материал, более важный для истории нескольких славянских языков и диалектов, чем однородный материал каких-либо грамот, преимущественно характеризующих язык одной определенной местности.

**1. ОСТРОМИРОВО ЕВАНГЕЛИЕ
КАК ПАМЯТНИК ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Значение Остромирова евангелия для истории русского языка огромно. Укажем лишь некоторые особенности этого памятника и их значение для истории русского языка.

1. Не соответствующее этимологии употребление **ж**, **ѣ**, **ѡ**, с одной стороны, и, с другой — букв **ѡу**, **ѡ** свидетельствует об отсутствии особых носовых гласных в языке предков восточных славян к середине XI в.

2. Наличие специфических древнерусских написаний на месте более древних общеславянских сочетаний редуцированных с плавными между согласными говорит о сохранении исконного положения редуцированного в этих сочетаниях и о существовании закрытых слогов в древнерусском языке (если не свидетельствует о наличии особых слоговых плавных в этот период).

3. Исключительно последовательное написание в памятнике букв ѣ или ѣ на месте старых редуцированных звуков указывает на сохранение редуцированных как особых фонем в древнерусском языке вплоть до середины XI в. включительно.

4. Сопоставление факта сохранения редуцированных, с одной стороны, и написаний редуцированных перед плавными, согласно восточнославянскому произношению, с другой, дает возможность сделать важный для истории славянских языков вывод о том, что еще до начала процесса падения слабых редуцированных и перехода сильных в [o], [e], в языке — предке восточнославянских языков — существовали закрытые слоги.

5. Очень важно для истории древнерусского языка наличие написаний, отражающих происшедший процесс образования полногласия в языке — предке восточнославянских языков. Хотя этих написаний всего три — Новгородѣ (294 в)¹, Володимира (294 в), перегънжѣ (265 г), показания их все же особенно важны, так как первые, два имеют место в собственном тексте дьякона Григория (в его записи), а третье — в месяцеслове, причем в тексте также, возможно, самостоятельно написанном писцом Остромирова евангелия: ици задн. перегънжѣ листа дѣла (265 г).

6. В Остромировом евангелии имеются написания, правда немногочисленные, буквы ж (в соответствии с группой жд в южнославянских памятниках) на месте древнейших сочетаний *dj*, что отражает весьма древнюю специфическую черту восточнославянского консонантизма.

7. В области морфологии Остромирово евангелие тоже имеет специфические восточнославянские черты. Большинство исследователей считает особенностью имен существительных древнерусского языка, отраженной большим количеством примеров в Остромировом евангелии, окончание -ѣмъ и -ѣмъ вместо -омъ (-омъ), -емъ (-емъ) в творительном падеже ед. числа мужского и среднего рода старых о-основ.

8. Безусловно, специфической особенностью древнерусского глагола является окончание [-тъ] (которому в Остромировом евангелии соответствует написание -тъ) в 3-ем лице ед. и множ. числа настоящего времени глаголов, широко представленное и в современных восточнославянских языках и диалектах.

Указанные древнерусские черты Остромирова евангелия давно уже отмечены исследователями. Именно 1, 2, 5—8 из них считаются характерными чертами памятников так называемого русского извода старославянского языка. Не следует забывать также, что именно Остромирово евангелие является самым ранним памятником, по которому устанавливаются эти и некоторые другие важные для истории русского языка факты.

Особенно велико значение Остромирова евангелия для восточнославянского языкознания потому, что факты, извлеченные из него, четко локализованы во времени: все указанные черты были свойственны древнерусскому языку уже в середине XI в. Это позволяет

¹ Здесь и далее буква, следующая за цифрой, обозначающей лист рукописи, указывает на столбец рукописи: буквами *a* и *b* обозначены соответственно левый и правый столбцы лицевой стороны листа, буквами *v* и *z* — соответствующие столбцы оборотной стороны листа.

использовать языковые данные Остромирова евангелия, наряду с фактами других датированных рукописей, для определения времени написания памятников недатированных. Например, при датировке новгородских берестяных грамот лингвистами принимались во внимание не только палеографические данные, но и данные языка; иногда последним даже отдавалось предпочтение².

Роль Остромирова евангелия для истории русского языка могла быть еще более значительной, если бы было окончательно определено место его написания, вернее диалектная принадлежность его писцов.

Сторонниками неновгородского происхождения их были Н. В. Волков и Н. М. Каринский. В статье „О не-новгородском происхождении диакона Григория, писца Остромирова евангелия“³ с целью доказать киевское происхождение писца (в то время еще не было открыто существование нескольких писцов) Н. В. Волков прежде всего отвел как не принадлежащую дьякону Григорию приписку на 11 листе рукописи: *се коньчъ*. Тем самым он доказал отсутствие отражения цоканья в Остромировом евангелии.

Затем Н. В. Волков интерпретировал запись дьякона Григория в конце Остромирова евангелия, в которой говорится следующее: *Написахъ же єу(г)лиє се. равоу бжию нареченоу сщроу къ брццении Иосифъ. а мирьскы Остромиръ. влизкоу сщроу Изяславоу къназоу. Изяславоу же къназоу тогда прѣдръжащоу овѣ власти. и оца своего Ярославъ. и брата своего Володимира. самъ же Изяславъ къназь. правляше столъ оца своего Ярославъ Киевѣ. а брата своего столъ поржчи правити влизкоу своему Остромироу Новгородѣ*. Н. В. Волков считал, что „упоминание об обстоятельствах киевских и о близости к Изяславу этого посадника Остромира до известной степени указывает на большую связь диакона Григория с Киевом и на приближенность его князю Изяславу“⁴. Однако последние исследования историков об отношениях Киева и Новгорода в середине XI в.⁵ не позволяют считать данные приведенной выше записи свидетельством о написании Остромирова евангелия в Киеве. Отношения, существовавшие между Остромиром и Ярославом, сепаратизм Новгорода являются косвенным аргументом в пользу написания Остромирова евангелия скорее в Новгороде, чем в Киеве. Правда, это не исключает возможности использования в Новгороде писцов-киевлян.

В пользу своей точки зрения о киевском происхождении писца Остромирова евангелия Н. В. Волков приводит также следующие соображения: „Все несомненные древнейшие новгородские рукописи писаны совсем иным уставным письмом, не только менее крупным, но и менее четким, менее выдержанным и старательным, чем известные киевские памятники, — нотные книги сюда в расчет не идут. Эта разница сразу заметна, если сопоставить простой неискусный мелкий почерк новгородских Миней 1095, 1096, 1097 годов с превосходным крупным уставом Остромирова евангелия и Изборника Святослава 1073 года. Только значительно позже, во второй поло-

² См., например, датировку берестяных грамот № 69 и 78 в кн.: „Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот“. М., Изд-во АН СССР, 1955, стр. 12.

³ См.: „Журнал Министерства народного просвещения“ (сокр.: ЖМНП), 1897, декабрь, стр. 443—446.

⁴ Н. В. Волков. О не-новгородском происхождении диакона Григория..., стр. 444.

⁵ См.: Б. А. Рыбаков. Остромирова летопись. „Вопросы истории“, 1956, № 10, стр. 51—52.